

- [18] Shaw D. J. B., Oldfield J. D. Totalitarianism and Geography: L. S. Berg and the Defence of an Academic Discipline in the Age of Stalin // *Political Geography*. 2008. Vol. 27 (1). P. 96—112.
- [19] Shaw D. J. B., Oldfield J. D. Scientific, Institutional and Personal Rivalries among Soviet Geographers in the Late Stalin Era // *Europe-Asia Studies*. 2008a. Vol. 60 (8). P. 1397—1418.

Москва
golubchikov@list.ru
o.golubchikov@bham.ac.uk

Поступила в редакцию
3 февраля 2012 г.

Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 4

© А. Г. ИСАЧЕНКО

КРИЗИС ГЕОГРАФИИ ЧЕЛОВЕКА: ПРИЧИНЫ И ПОИСКИ ВЫХОДА

С некоторого времени стало входить в моду трактовать историю советской географии в одностороннем негативном ракурсе как науки, насквозь «заидеологизированной» и работавшей на тоталитаризм. Более того, предпринимаются попытки свалить ответственность за все беды и низкий общественный авторитет современной российской географии на идеологические козни уже достаточно отдаленного прошлого. К этому «жанру» можно отнести и статью Ю. Н. Голубчикова и О. Ю. Голубчикова [3], которая, судя по ее названию, должна быть посвящена русской антропогеографической школе. Пишу «должна» потому, что фактически о названной школе из статьи мы ничего не узнаем, и сам этот термин в статье не используется. Из русских антропогеографов в ней упоминается лишь К. М. Бэр, известный естествоиспытатель, принадлежность которого к антропогеографической школе можно оспаривать.

В действительности же суть статьи сводится к сетованиям по поводу незавидного современного состояния и положения отечественной географии человека (она же антропогеография, или гуманитарная география). Авторы также негодуют по поводу разрыва между физической географией и географией человека, но при этом считают, что второй должен принадлежать приоритет перед первой, и утверждают, будто именно так и было всегда — до рубежа 20—30-х гг. прошлого столетия, когда география в нашей стране подверглась идеологическому давлению. Предположим, что авторы правы. Но со времени выступления пресловутых «леваков», пытавшихся наклеить ярлыки антимарксистов на Л. С. Берга и некоторых других географов, прошло почти столетие, они получили должную оценку и имена их практически забыты. А в течение последних 30 лет не существует никаких намеков на «идеологизацию» географии, в том числе и гуманитарной. Что же мешает ее расцвету? На этот вопрос авторы не пытаются найти обоснованный ответ и громоздят домыслы, основанные на презумпции вины все той же «идеологизации». В их суждениях нет ничего оригинального или конструктивного, но немало исторических ошибок,

позаимствованных из вторых рук, в том числе из источников тенденциозных или недостаточно компетентных. По всей вероятности, считали излишним обращаться к историческим первоисточникам. Для них жупел «идеологизация» — неоспоримая истина. «До гуманитарной ли тут было географии!» — патетически восклицают авторы и продолжают: «В тех условиях (имеется в виду советский период. — *А. И.*) предпочтительно было избегать прямых соприкосновений между физико-географическими и экономико-географическими ветвями географии» (с. 18).

На этом постулате основаны все оценки исторических фактов, касающихся географии и географов советского периода. Все эти оценки, впрочем, не блещут оригинальностью и выбраны из сочинений некоторых современных авторов, считающих себя знатоками истории отечественной географии. Так, в статье повторяется домысел, будто А. А. Григорьев был «давним недругом» Л. С. Берга и инициатором «идеологических атак» на ландшафтоведение. Все здесь, мягко говоря, неправда (см., в частности, [9]). Спор между Л. С. Бергом и А. А. Григорьевым имел чисто научный характер и никакого ущерба ландшафтоведению не причинил. Этот спор искусственно раздувала группа московских университетских географов из чисто корпоративных интересов в борьбе с Институтом географии АН СССР. Л. С. Берга очень тяготило то обстоятельство, что его доброе имя впутывают в склоку между двумя соперничающими группировками, не имеющую ничего общего с наукой. В этой склоке победа оказалась за университетскими географами, и А. А. Григорьев оказался потерпевшей стороной. Но к идеологии эта свара не имеет никакого отношения. Все материалы дискуссии опубликованы, и любой читатель может сам убедиться в тенденциозности каких-либо кривотолков на этот счет.

Авторы статьи крайне неуклюже и с чужой подачи пытаются сделать из Л. С. Берга жертву тотальной идеологизации. Они утверждают, что этот ученый был вынужден покинуть Ленинградский университет и до 1938 г. работал в Зоологическом музее. Когда, кто и почему вынудил Л. С. Берга уйти из университета? Все это выглядит странным и загадочным лишь для тех, кто никогда ранее ничего не слышал об этом ученом и его роли в истории отечественной географии. В действительности же в статье тенденциозно интерпретируются хорошо известные (и неоднократно документированные в «Известиях РГО») факты. Не стану загромождать эти заметки многочисленными ссылками на публикации (в частности, известного биографа Л. С. Берга Р. Л. Золотницкой [9]). Напомню лишь, что в 1931 г. Л. С. Берг подвергся необоснованным обвинениям в идеализме, фидеизме, геттнерианстве со стороны лжемарксистов экономикогеографов левацкого толка. Однако на диспуте в Географо-экономическом институте ЛГУ он не только доказал, что его ландшафтно-географические идеи не противоречат марксизму, но и продемонстрировал хорошее знание трудов классиков марксизма. «Леваки» были посрамлены, фактически в дискуссии победа осталась за Л. С. Бергом, его авторитет среди географов только вырос и никаких репрессивных или административных действий за этим не последовало. Никто не вынуждал Л. С. Берга оставить университет, но он сам, будучи человеком с высоким чувством собственного достоинства, «хлопнул дверью», выразив свое возмущение тем, что руководство университета не поддержало его в «сражении» с «леваками».

Что касается дальнейших событий, то в обсуждаемой здесь статье они переданы в сильно искаженном виде. Прежде всего надо заметить, что Л. С. Берг вернулся в ЛГУ не в 1938 г., а гораздо раньше — после того, как ректорат и уче-

ный совет ЛГУ принесли ему извинения и просили вернуться. Авторы статьи поверили, по всей видимости, домыслам, будто ленинградские географы не поддержали Л. С. Берга, и он надолго перестал публиковать труды по географии, уйдя полностью в ихтиологию и т. п. Эту легенду легко рассеять, если обратиться к списку научных трудов Л. С. Берга и его биографии. В частности, в 1936 г. вышел из печати вторым, дополненным изданием его труд «Ландшафтные зоны СССР» — основной объект нападков «леваков». К 1938 г. были опубликованы два дополнительных тиража этой книги, а кроме того, была выпущена двумя изданиями в качестве учебника для географических факультетов «Природа СССР», содержащая полную характеристику ландшафтных зон страны. Я не стану перечислять изданные им в эти годы работы по геоморфологии, климатологии, палеогеографии. Обилие публикаций по ихтиологии, как и работа Л. С. Берга в Лаборатории ихтиологии, не есть некое вынужденное занятие, как это пытаются изобразить некоторые горе-историки. Ихтиология — такая же сфера его научной деятельности, как и география (а хронологически даже первая, начальная). С 1904 г. до конца жизни Л. С. Берг был тесно связан с Зоологическим музеем Академии наук, в 1931 г. преобразованным в Зоологический институт. Наряду с ученой степенью доктора географии (с 1909 г.) в 1934 г. он был удостоен степени доктора зоологии.

Если сказанного недостаточно для разоблачения домыслов, могу добавить, что в том же 1934 г. Л. С. Бергу было присвоено звание заслуженного деятеля науки и он был избран депутатом Октябрьского райсовета г. Ленинграда. Вряд ли кто-либо стал выдвигать кандидатом в депутаты признанного идеалиста, фидеиста и идеолога буржуазии.

В целенаправленной подборке Ю. Н. и О. Ю. Голубчиковых имеется и такая «козырная карта»: они утверждают (со ссылкой на А. И. Куркчи), будто Л. Н. Гумилев из-за идеологических препятствий избегал в своих работах приближаться к современности ближе XVIII в. Мне довелось в течение 30 лет поработать рядом с Л. Н. Гумилевым, после того как, сменив несколько мест работы и не найдя общего языка с историками и этнографами, он нашел в 1962 г. приют у географов, в НИИ географии ЛГУ. Здесь ему была предоставлена полная свобода действий при отсутствии каких-либо обязанностей. Он нередко бравировал тем, что ему не нужно каждый день приходить на работу; насколько помню, у него даже не было своего рабочего места в институте, и появлялся он там обычно по каким-либо торжественным случаям или на заседаниях ученого совета — общего для геофака и НИИГ. В географии Л. Н. Гумилев по существу оставался дилетантом, а среди сотрудников факультета и института никто толком не разбирался в его идеях, хотя он имел возможность беспрепятственно печатать свои статьи в «Вестнике ЛГУ» и издать несколько монографий. Видимо, осознавая свой непрофессионализм в области географии, Л. Н. неоднократно подбивал меня на сотрудничество, но у меня были свои основания от этого уклоняться, так же как от просьб написать рецензии на его труды. Л. Н. это раздражало. Тем не менее от случая к случаю мы обменивались мнениями по вопросам, представлявшим обоюдный интерес, иногда спорили. И теперь, после этого затянувшегося отступления, я должен сказать, что отказ Л. Н. Гумилева от обращения к проблемам этногенеза Нового времени был вполне осознанным. Он специализировался на процессах и закономерностях определенной исторической эпохи, за пределами которой его концепция «не работала». К идеологическим барьерам это никакого отношения не имеет.

Перечень ошибочных суждений и искаженного представления об исторических фактах можно было бы продолжить. Так, авторы утверждают, будто ландшафтоведение возникло на базе страноведения. Это заявление, явно заимствованное из одного тенденциозного источника, свидетельствует о полном незнании истории учения о ландшафте и общеизвестного свидетельства Л. С. Берга о том, что это учение не имеет ничего общего со страноведением [3].

Другой пример: авторы статьи относят к числу виднейших антропогеографов Альфреда Геттнера, но им невдомек, что сам Геттнер не имел никакого отношения к антропогеографии, критиковал К. Риттера и других сторонников антропоцентризма в географии и постоянно подчеркивал, что география должна строиться на естественно-научных основах.

Никакая наука, а гуманитарная в особенности, не может развиваться вне связи с господствующей идеологией. Было бы наивным видеть в этом специфику только советской науки и тем более приписывать все ее беды влиянию официальной идеологии. Вряд ли нужно доказывать, что в царской России существовала своя государственная идеология, давление которой испытали на себе многие ученые, писатели, художники и другие представители русской интеллигенции. Для этого царское правительство создало мощный контрольный и карательный аппарат, включая знаменитое Третье отделение, цензуру, систему слежки и доносов и т. д. Известно, что ученые, подозреваемые в инакомыслии, среди которых оказался и Л. С. Берг, не допускались к преподаванию в университете; многим ученым, среди которых были и географы, не разрешалось проживать и работать в столицах, а кое-кому пришлось отправиться в места не столь отдаленные или в эмиграцию. Военные крепости — Петропавловская и Шлиссельбургская — не служили для защиты от внешних врагов, а обслуживали сугубо внутренние политические нужды государства. Нелишне заметить, что все эти обстоятельства, насколько известно, никогда не использовались отечественными географами для оправдания каких-либо неудач в сфере научной деятельности. Но сейчас вряд ли кому-нибудь придет в голову обвинять их в пособничестве царизму.

Нельзя, однако, не признать, что между отдельными учеными иногда возникает взаимная неприязнь, соперничество, открытое или закулисное противоборство и т. п. Среди советских ученых встречались приспособленцы и карьеристы, которые в своих эгоистических интересах широко использовали идеологические штампы, марксистскую фразеологию, избирательное цитатничество из трудов классиков марксизма и т. п. Но некоторые шли еще дальше. Так, группа именитых ученых-академиков в 1939 г. не постеснялась обвинить Л. С. Берга в пособничестве фашизму. На этот раз Л. С. Берг обратился непосредственно в ЦК ВКПб, после чего подобные клеветнические выпады прекратились [9]. Нет нужды доказывать, что подобные действия не имеют ничего общего с идеологической борьбой.

География, как и всякая другая наука, не может развиваться без внутренней борьбы идей, без постоянных споров и дискуссий по наиболее острым методологическим и теоретическим проблемам. Такие споры возникали в советской географии спонтанно, без какого-либо идеологического нажима «сверху», когда в этом назревала необходимость, обусловленная появлением новых задач, «парадигм», совершенствованием методов исследований и т. п. В сущности, единственной дискуссией, имевшей идеологическую подоплеку, можно считать выступление экстремистов-леваков в конце 1920-х—начале 1930-х гг. Это выступление практически провалилось и не встретило поддерж-

ки ни «сверху», ни «снизу», хотя оставило определенный след в нашей науке, к чему я еще вернусь.

Стычка двух главных московских географических коллективов в конце 1940-х гг., о которой здесь уже упоминалось, не является идеологической дискуссией и при всех ее негативных этических особенностях в конечном счете имела важный методологический эффект — преодоление разрыва между ландшафтоведческим и землеведческим направлениями и создание теоретических основ комплексной физической географии.

В 1960-е гг. толчок к острым методологическим спорам, имевшим прямое отношение к определению места человека в системе географических наук, дала нашумевшая докторская защита В. А. Анучина. С этого времени споры о единстве географии, о возможности и путях интеграции ее естественно-научного и общественного блоков приобрели перманентный характер. Несмотря на серьезные расхождения взглядов на решение этой «вечной» проблемы географии, искать здесь идеологическую подоплеку бесполезно. Эта проблема возникла не в советское время, и, пожалуй, наиболее острые противоречия во взглядах следует искать во второй половине XIX в. — после появления работ А. Гумбольдта и К. Риттера.

Главная ошибка Ю. Н. и О. Ю. Голубчиковых состоит в том, что они пытаются найти причины кризиса антропогеографии не внутри самой науки, а вне ее. Не ограничиваясь малоубедительными ссылками на так называемую идеологизацию, они узрели врага или некоего конкурента географии человека в ... физической географии. Они договорились до заявления об общественной бесполезности физической географии и обвиняют физикогеографов в том, что они зря едят свой хлеб за счет налогоплательщиков. Авторы статьи некритически повторяют слова новоявленных историков, будто из физической географии исчез человек, тем самым лишая раз обнаруживая свою неосведомленность о современной физической географии и ее истории. Применение точных методов в физико-географических исследованиях, по их мнению, вредно для географии. Представление о некоем дисбалансе между физико-географическими и гуманитарными отраслями географии в пользу первых и якобы гипертрофированности естественно-научной части географии уже не ново. Его можно найти в публикациях некоторых историков-теоретиков от географии последних лет прошлого столетия [6, 16]. Как увидим далее, за этими, казалось бы, не очень отвечающими здравому смыслу суждениями стоит стремление некоторых бывших советских географов перестроить отечественную географию по американскому образцу.

Суждения авторов статьи не открывают каких-либо перспектив для обсуждения проблем географии человека, ибо в них нет никакой исходной позиции. Неясно, что авторы понимают под антропогеографией, или географией человека, в чем состоит ее предмет, научные задачи, содержание и т. д. Все внимание сосредоточено на поиске «врагов», на вопросе «кто виноват?», но мы не находим попытки задуматься над тем, «что делать?».

Если обратиться к реальности, то придется признать явное неблагополучие в этой отрасли науки — отсутствие ее четкого определения, какого-либо намека на объединяющую теоретическую концепцию, разноречивой взглядов на фоне безудержного расползания предметного поля — от уличной рекламы до электоральных предпочтений и множества других не менее экзотических для географа сюжетов. Нет надобности доказывать, что такое положение гуманитарной географии все более отрывает ее от зрелых и давно сложившихся физи-

ко-географических наук и практически привело к потере общего языка между специалистами, называющими себя географами.

Между тем судьба гуманитарной географии не безразлична для всех географов, ибо ее современное состояние наносит ущерб всей системе географических наук и подрывает ее авторитет в глазах общественности. А главное — подобная ситуация лишает географию, как единственную науку, лежащую на стыке естественных и общественных отраслей знания, уникальной и вполне реальной возможности выйти в лидеры разработки важнейшей общенаучной проблемы современности — познания закономерностей и перспектив взаимодействия человечества с его природной (географической) средой. Но для этого необходимо найти общий язык между представителями обоих блоков географии. Нет нужды доказывать неуместность попыток спровоцировать конфронтацию между теми и другими, разговоров о «гипертрофированности» физической географии и т. п.

Некоторые отечественные географы узрели панацею для гуманитарной географии в ее «импорте» с Запада. В последние годы XX в. небольшая, но достаточно авторитетная группа географов, в советское время не замеченных в каких-либо идеологических отступлениях, создала и настойчиво пропагандировала легенду о мировом лидерстве американской географии и глубоком отставании от нее географии советской, которой отводилась роль аутсайдера [6, 16]. Мне уже доводилось выступать с критическим обзором работ этих авторов [13], поэтому не стану подробно останавливаться на специфике их подхода к истории географической науки и оценке достижений различных национальных географических школ. Отмечу лишь, что в качестве определяющего критерия такой оценки они приняли число монографических публикаций, на обложке которых есть «ключевые» слова география, пространство, место, поэтому такие монографии, как «Введение в учение о геосистемах» В. Б. Сочавы и вся советская серия мировых географических сводок «Природа мира» (включая «Пустыни», «Горы», «Ландшафты» и др.), сразу же отбраковывались. Зато авторов привел в восторг американский чисто словесный плюрализм с его необозримым набором сюжетов, например: «Пространство и место женщины», «Картинирование желаний», «География сексуальности»... Поскольку в этом американском винограде абсолютно господствуют сюжеты из социальной сферы, В. С. Преображенский и его коллеги пришли к заключению, что в современной географии должно лидировать социальное направление. Отсюда и идея о том, что в отечественной географии физико-географическая часть была сильно гипертрофирована и подлежит усекновению по американскому образцу. Следуя этому образцу, В. С. Преображенский с соавторами исключили из своего обзора истории географии XX в. большинство физико-географических наук и ограничили случайными примерами. Относительно повезло геоморфологии и климатологии, но географический статус гидрологии вызывает у них сильное сомнение, не говоря уже о почвоведении и биогеографии. Полностью выпала из обзора океанология, или география океанов.

Рассуждения В. С. Преображенского и О. В. Грицай о «глобальном прорыве» англо-американской географии, мягко говоря, сильно преувеличены и не отвечают исторической правде. Лучшее всего об этом свидетельствуют сами географы этих стран. Еще в 1974 г. Марвин У. Майксел отмечал, что американские географы прошли мимо всеобщего интереса к проблемам окружающей среды и не осознали, что они имеют отношение к этим проблемам. Еще в 40-х—50-х гг. физическая география и география человека полностью отдели-

лись друг от друга, и география в США перестала служить мостом между естественными и социальными науками [19]. Наиболее глубокий обзор истории англо-американской географии до начала 1980-х гг. дал Р. Дж. Джонстон. Он утверждает, что в этих странах становится все меньше точек соприкосновения между социогеографией и физической географией, причем в США интерес к природной среде иссяк уже к середине XX в. [8]. Что касается состояния англо-американской социогеографии, то этот автор характеризует его как сумбурное. Даже Престон Джеймс, один из столпов хорологического антропоцентризма американской географии и поборник полного изгнания из нее физико-географических отраслей, констатируя усиливающийся отход географии в США от природы в сторону «культурных явлений», вынужден признать ее «эклетиическую и моральную неразбериху» ([7], с. 594) и заключает, что единство географии остается иллюзорным. Можно было бы привести еще ряд самооценок в том же духе, но ради экономии места я их опускаю ([13], с. 27—28).

Наши поклонники американизма в географии ссылаются на серию так называемых революций (количественную, теоретическую, радикальную, философскую) как на показатель прогресса и динамичности географии в США. Но в действительности это свидетельство неудовлетворенности послевоенного поколения господствовавшей в США описательной хорологической традиции и лихорадочного поиска новых парадигм. Все это выразилось в быстрой смене эфемерных направлений, не оставивших глубокого следа в географии и не изменивших ее узко социологической ориентации и хаотического состояния. Узость интересов, своего рода провинциализм, замыкание на локальных сюжетах, дилетантское вторжение в сферы исследований социологов, психологов, культурологов и других специалистов — типичные черты современной американской социогеографии и географии в целом. Разительность контрастов между широтой взглядов на свою науку советских географов и узостью американских наглядно отражена в их своеобразном диалоге, состоявшемся в конце 1980-х гг. [15].

Из сказанного, разумеется, нельзя заключать, что современная англо-американская география вовсе бесплодна в теоретическом отношении. Можно назвать ряд ценных работ, в частности Д. Харвея [17] и уже названного Р. Дж. Джонстона [8], и надо отдать должное издательству «Прогресс», которое выпустило серию их переводов на русский язык. Впрочем, надо заметить, что большинство этих трудов принадлежит британским авторам (которые, в отличие от американских, еще не потеряли интерес к физической географии).

Кризис антропогеографии, или географии человека, социогеографии, гуманитарной географии, по разным современным формулировкам типичен как для американской, так и для отечественной — советской и постсоветской — науки, но не является специфическим только для этих национальных школ и имеет тотальный и, можно сказать, исторически обусловленный характер. Человек как предмет изучения всегда, начиная с глубокой древности, входил в сферу интересов географов — и не только античных, но и китайских. Пока география находилась на стадии первичного собирания и описания эмпирических фактов, человек и его природная среда уживались в рамках общегеографических (страноведческих) описаний, но как только ученые подошли к поискам причин, к объяснению территориальных различий, стал назревать конфликт между двумя направлениями, ибо человек явно не укладывался в рамки чисто природных закономерностей. Попытки объяснить размещение, поведение, хозяйственную деятельность людей и даже обосновать превосходство одних народов и стран

над другими вызвали появление географического детерминизма. Не имея возможности подробнее анализировать сущность и историю этого учения ([¹¹]), важно подчеркнуть, что оно приобрело много разных политических, социологических и других оттенков, и долгое время большинством географов, в том числе и российских, не принималось всерьез. Оживление интереса к географическому детерминизму связано с трудами Ф. Ратцеля, относящимися к концу XIX в., а самый активный отклик это учение нашло в американской географии. Последнее обстоятельство особенно важно подчеркнуть в связи с темой данной статьи.

Под влиянием трудов ученицы Ф. Ратцеля Э. Семпл, а также Э. Хантингтона географический детерминизм в своей крайне радикальной форме учения о «географическом контроле» над судьбами человечества, известный под названием инвайронментализма, стал главной «парадигмой» американской географии в первые десятилетия XX в. С конца 1920-х гг. увлечение инвайронментализмом иссякло, и он был сильно дискредитирован в уважаемых ученых кругах под натиском хорологического антропоцентризма — эклектической смеси хорологических идей А. Геттнера и антропоцентризма К. Риттера и его последователей. Одними из результатов отказа от инвайронментализма и победы «традиционалистов» (Р. Хартшорн, П. Джеймс и др.) явились постепенный отход от изучения природной среды и практическое исчезновение физической географии. Нельзя, однако, утверждать, что между географами США установилось некое методологическое согласие. Напротив, известны активные выступления географов-естественников против «традиционалистов». Неудовлетворенность господствующей хоролого-антропоцентрической ориентацией особенно усилилась после окончания Второй мировой войны, что и привело к ожесточенным дискуссиям и «революциям», о которых уже говорилось выше (подробнее см. [¹²]).

В методологических баталиях американских географов середины XX в. существенное место занимали проблемы географического детерминизма. У него нашлось немало защитников, но речь шла не о возрождении крайних форм инвайронментализма Э. Семпл или Э. Хантингтона, а о более «умеренных» вариантах, основанных на значительном эмпирическом опыте географических исследований, особенно в районах экстремальных природных условий для жизни и деятельности людей. Примечательно, что в ходе дискуссии использовались и ссылки на марксистское учение. В дискуссию были вовлечены географы других, в основном англоязычных, стран. Наиболее здравомыслящие и опытные некабинетные географы, среди них Г. Тейлор, О. Спейт, Д. Л. Стэмп, подчеркивали, что географ не должен рассматривать географическую среду как единственный или главный фактор территориальной дифференциации общества, но в определенных случаях она приобретает лимитирующее значение, и специфическая задача географа состоит в том, чтобы изучать именно этот фактор, а не другие.

Однако эти мысли не нашли широкой поддержки. «Традиционалисты» противопоставили им свободную волю человека и «культурный детерминизм», а в сущности методологический индетерминизм (подробнее см. [^{11, 12}]).

Мне пришлось сделать это отступление, чтобы в какой-то мере преодолеть внеисторический подход к серьезным методологическим проблемам географии, от которого не свободны и авторы обсуждаемой статьи. Но чтобы быть последовательным, нельзя обойти вопрос об отношении к географическому детерминизму в советской географии. Для российских географов прошлого, да и

для многих историков влияние географической среды на жизнь и деятельность людей было как бы само собою разумеющимся и до конца 1920-х гг. не вызывало каких-либо споров. Термин «географический детерминизм», насколько известно, не использовался. Впервые вопрос о возможности преувеличения роли географической среды в общественной сфере был поставлен пресловутыми «леваками», но попытка придать ему принципиальное методологическое значение принадлежит некоторым советским философам уже в середине XX в. Толчком послужил краткий тезис И. В. Сталина о том, что географическая среда является постоянным и необходимым условием развития общества. В сущности, в этих словах не содержится чего-либо нового, но за ними последовала оговорка, что это влияние не является определяющим. Постановка вопроса, что является определяющим в таком сложном процессе, как развитие общества, представляется несколько схоластичной. Однако она дала повод философам усматривать всякую попытку объяснить природными факторами конкретные территориальные различия в общественных явлениях как географический детерминизм — буржуазную концепцию, противоречащую марксизму [10].

Главная ошибка наших адептов исторического материализма состояла в том, что они смешивали в понятии географический детерминизм самые разные концепции и доктрины, накопившиеся за многие столетия, включая «вульгарный географизм», фидеизм К. Риттера, «жесткий», или «грубый», уже отвергнутый на Западе инвайронментализм, геополитические концепции разных толков и вполне здравые, основанные на изучении многолетнего опыта человечества суждения Э. Реклю, Л. Е. Мечникова, марксиста Г. В. Плеханова. А из этого следует огульная оценка геодетерминизма как буржуазного антимарксистского учения. Классики марксизма никогда не отрицали важной роли географической среды в развитии общества, хотя можно утверждать, что они не уделяли должного внимания пространственным различиям в процессе общественного развития.

Советские географы не проявляли большого интереса к проблемам географического детерминизма, как бы отдав их на откуп специалистам в области истмата. Физикогеографы не считали эти проблемы актуальными для своей науки, в чем есть определенный резон. Сложнее объяснить индифферентность экономикогеографов. Вероятно, отчасти в этом следует видеть перестраховку от возможных обвинений в преувеличении влияния природной среды на общественные явления. В памяти еще были свежи воспоминания о наскоках «леваков». Но не следует исключать и тот факт, что многие советские ученые (если не большинство) стояли на мировоззренческих позициях марксизма и не стремились искать изъяны в сочинениях его новейших интерпретаторов. Надо сказать, что далеко не все экономикогеографы придерживались тактики «премудрого пескаря». Некоторые находили в геодетерминизме «рациональное зерно». Наиболее широкую известность приобрели неоднократные (начиная с 1960 г.) печатные выступления В. А. Анучина [2], в которых он доказывал, что в ряде случаев (например, в экстремальных природных условиях) географическая среда может оказывать решающее влияние на экономическое развитие, что недооценка влияния географической среды опаснее ее переоценки, что географический нигилизм, или индетерминизм, приносит больший вред хозяйству и т. д. Однако эти мысли, как и идеи зарубежных «неодетерминистов», не нашли широкого признания у географов.

Изучение истории географических идей в сочетании с историей природно-общественных отношений приводит к убеждению о необходимости под-

линно научного географического детерминизма. Такой детерминизм, очищенный от разного рода архаичных, идеологических и прочих наслоений, явится методологической основой для познания закономерностей взаимодействия человека с географической средой и разработки глобальной стратегии его поведения [14]. Отечественная география накопила огромный эмпирический материал, относящийся к сфере научного геодетерминизма, до сих пор не обобщенный. К нему следует добавить разносторонний опыт прикладных географических исследований советских географов. Немало интересных идей мы находим в ранее упоминавшихся высказываниях британских и американских географов середины прошлого столетия [11]. Приведу еще вполне актуальные слова Л. Д. Стэмпа, относящиеся к 1960 г. Он осуждал инвайронменталистов начала XX в., которых называл экстремистами, но подчеркивал, что «в современном мире, с его растущим населением и ограниченными земельными ресурсами естественные факторы более важны, чем когда-либо в прошлом» ([20], с 94). Замечу попутно, что в начале второй половины XX в. еще определено было у кого учиться в англо-американской географии.

Подводя итоги, приходится признать, что география человека переживает серьезный кризис, типичный не только для отечественной, но и для современной мировой географии. Можно напомнить, что еще в 1988 г. о глубоком кризисе советской социально-экономической географии было заявлено в докладе группы из пяти авторитетных экономикогеографов [1]. Можно спорить с ними по поводу объяснения причин кризиса: в них присутствует элемент конъюнктурности, диктуемый так называемой перестройкой, когда многие ученые воспылали надеждами на предстоящее блестящее будущее для отечественной науки. Но гораздо важнее не заниматься поисками «виноватых», а искать пути к выходу из кризиса. В этом отношении упомянутый доклад представляет интерес.

Нельзя не обратить внимание на то, что наука, о которой здесь говорится, не имеет единого общепризнанного названия. Если исключить давно изжившую себя ратцелевскую антропогеографию, то в ходу еще остаются география человека, общественная география, социально-экономическая география, социогеография, гуманитарная география. У американских географов — это просто география, не нуждающаяся в каких-либо дополнительных эпитетах, поскольку подразумевается, что вся география, освободившаяся от физико-географических отраслей, стала социальной. В этом изобилии терминов ярко отражена незрелость науки, неопределенность ее статуса, отсутствие единого представления о ее предмете, содержании и задачах.

Казалось бы, все, что относится к познанию человека, т. е. человечества как сложнейшего биосоциального объекта научного исследования, разобрано и поделено между многими специальными науками — антропологией, социологией, политической экономией, этнографией, психологией, экологией человека и так далее, так что на долю географии ничего не осталось. Между тем существует и приобретает все большую актуальность комплекс проблем, связанных с влиянием географической среды на жизнь человеческого общества. Специалисты в различных гуманитарных областях в большей или меньшей степени вынуждены затрагивать эти проблемы, но они профессионально не подготовлены к их решению. Географы же, традиционно более других занимавшиеся изучением взаимоотношений между человеком и средой его обитания, к настоящему времени в значительной степени потеряли интерес к этим проблемам или оказались недостаточно подготовленными в условиях современных требований

жизни. Многие географы-гуманитарии предпочли заниматься более узкими, сугубо частными проблемами типа «размещение двух продавцов мороженого на узкой полосе пляжа, заполненного отдыхающими» (реальный пример, приведенный одним из отцов так называемой теоретической географии В. Бунге [4]). Вряд ли можно рассчитывать, что географы заработают высокий авторитет в современном обществе, предлагая ему подобные услуги.

В упомянутом докладе группы экономикогеографов [1] содержалась важная мысль о том, что социально-экономическая география должна изучать *закономерности территориальной организации общества* (ТОО) и разрабатывать концепции совершенствования этой организации. Представляется, что здесь мы встречаемся с наиболее конструктивным подходом к сущности социально-экономической (общественной, гуманитарной) географии. В состав группы докладчиков входил Б. С. Хорев, которому принадлежит первая монография, излагающая теоретические основы учения о ТОО [18].

Концепция ТОО призвана объединить разрозненные частные (более и менее узкие или субъективные) аспекты изучения географии человека — экономические, демографические, социальные, этнокультурные, политические и т. д. Эта концепция вводит в изучение географии человека системный подход, который давно уже принят в физической географии, но возможности его применения для изучения общественно-географических явлений оспаривались специалистами (в том числе В. В. Покшишевским и Ю. П. Михайловым). Важно подчеркнуть, что новая концепция отходит от традиционной ориентации географов-общественников на изучение только пространственной дифференциации общественных явлений и делает акцент на их *интеграцию*. Это обстоятельство также сближает общественную географию с естественной, где территориальная дифференциация и интеграция рассматриваются в диалектическом единстве. Б. С. Хорев не обходит стороной и вопрос об учете физико-географических факторов, но здесь еще не достаёт более глубокого понимания роли географической среды и значения принципов научного географического детерминизма.

Развитие общественной географии в указанном направлении несомненно связано с преодолением многих предубеждений и других препятствий. Однако существуют и определенные обнадеживающие предпосылки. Прежде всего необходимо использовать тот задел, который был создан в советское время. Что бы ни говорили о невостребованности социально-экономической географии, об идеологических ограничениях и тому подобное, нельзя отрицать достижений, которые стало принято замалчивать. Можно напомнить о таких фундаментальных понятиях, как территориальный производственный комплекс, территориальная система расселения, о работах по экономическому районированию и картографированию, об участии экономикогеографов в территориальном планировании (районных плановках) и т. д.

Важнейшей предпосылкой успешного развития общественной географии следует считать преодоление ее разрыва с физической географией и всемерное укрепление научного сотрудничества между ними без опасения возможных перекрытий. Трудно представить себе дальнейший прогресс в изучении ТОО без учета возможных негативных последствий человеческой деятельности в географической среде, т. е. в составляющих ее природных геосистемах (ландшафтах). В этом отношении современное ландшафтоведение уже накопило значительный эмпирический материал, ожидающий востребованности со стороны исследователей ТОО. Далеко не бесполезен для них опыт прикладных ланд-

шафтных исследований, в особенности по оценке геосистем в различных производственных и внепроизводственных целях — агропроизводственных, инженерно-строительных, рекреационных, экологических, медицинских и т. д. Комплексная оценка ландшафта с «генеральной» территориально-планировочной точки зрения должна представлять прямой интерес для специалистов в области ТОО.

Можно было бы перечислить ряд теоретических положений современного ландшафтоведения как учения о природных геосистемах, которые должны представлять интерес для коллег, занимающихся изучением общественных территориальных систем разных типов и рангов. Таковы, например, концепция культурного (оптимизированного) ландшафта, принципы построения иерархической системы территориальных единиц разных уровней — от локального до глобального и др.

Наконец, можно говорить и о теоретических проблемах, общих для обеих ветвей географической науки. Здесь имеется в виду прежде всего проблема соотношения и взаимообусловленности двух разных категорий территориальных систем — природных и общественных. Пока намечаются лишь первые шаги к ее решению, известны некоторые разработки, явившиеся предметом дискуссий. Среди них модели, основанные на использовании ландшафтной структуры территории как первичного каркаса для последующих построений, например агроландшафтных, этноландшафтных и т. д. [14]. Подробное обсуждение этих, как и ряда других, дискуссионных вопросов не входит в задачи данной статьи.

Автор не ставил перед собой цель дать анализ всего спектра современных взглядов на сущность и проблемы географии человека с обзором соответствующей литературы и ограничился кратким изложением своей точки зрения. Наиболее всесторонний охват дискуссионных проблем этой науки дан в новейшей монографии Ю. А. Гладкого «Гуманитарная география. Научная экпликация» (СПб., 2010. 663 с.), и в заключение остается отослать к ней читателя.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

- [1] Агафонов Н. Т., Алаев Э. Б., Лавров С. Б., Межевич М. Н., Хорев Б. С. О современном состоянии и перспективных возможностях экономической и социальной географии // Изв. РГО. 1988. Т. 120. Вып. 5. С. 393—397.
- [2] Анучин В. А. Теоретические проблемы географии. М.: Географгиз, 1960. 264 с.
- [3] Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. М.: Географгиз, 1947. 397 с.
- [4] Бунге В. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967. 279 с.
- [5] Голубчиков Ю. Н., Голубчиков О. Ю. Трансформации и траектории русской антропогеографической школы // Изв. РГО. 2012. Т. 44. Вып. 4.
- [6] Грицай О. В. Глобализация мировой науки и национальные традиции в географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 6. С. 7—11.
- [7] Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: история географических идей. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
- [8] Джонстон Р. Дж. География и географы: очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
- [9] Золотницкая Р. Л. К биографии акад. Л. С. Берга // Изв. РГО. 1993. Т. 125. Вып. 3. С. 83—86.
- [10] Иванов-Омский И. И. Исторический материализм о роли географической среды в развитии общества. М.: Госполитиздат, 1950. 344 с.

- [11] Исаченко А. Г. Детерминизм и индетерминизм в зарубежной географии // Вестн. ЛГУ. 1971. № 24. С. 85—96; 1972. № 6. С. 82—95.
- [12] Исаченко А. Г. Идеи и направления современной американской географии // Уч. зап. ЛГУ. Сер. геогр. № 21. 1971. С. 17—71.
- [13] Исаченко А. Г. География в двадцатом столетии (о некоторых расхождениях в оценке событий и достижений) // Изв. РГО. 2000. Т. 132. Вып. 5. С. 20—31.
- [14] Исаченко А. Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 319 с.
- [15] Наука и искусство географии: спектр взглядов ученых СССР и США. М.: Прогресс, 1989. 200 с.
- [16] Преображенский В. С., Александрова Т. Д., Максимова Л. В. География в меняющемся мире. Век XX. М., 1997. 273 с.
- [17] Харвей Д. Научное объяснение в географии. М.: Прогресс, 1974. 502 с.
- [18] Хорев Б. С. Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М.: Мысль, 1981. 320 с.
- [19] Perspectives on environment. Ed. by I. K. Mannes and M. W. Mikesell. Ass. Amer. geogr. W., 1974. Publ. N 13. 395 p.
- [20] Stamp L. D. Applied geography. L., 1960. 208 p.

Санкт-Петербург
greg.isachenko@gmail.com

Поступило в редакцию
19 апреля 2012 г.

Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 4

© Н. Н. ВЕРЗИЛИН, Г. И. КЛЕЙМЕНОВА

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПОНИМАНИЯ ЛАДОЖСКОЙ ТРАНСГРЕССИИ И ОБРАЗОВАНИЯ РЕКИ НЕВА

Проблемы выявления возраста и причин Ладожской трансгрессии, а также времени образования р. Нева далеко не решены, но представляются очень важными для палеогеографии региона и для практической жизни крупнейшего на северо-западе России мегаполиса — Санкт-Петербурга. В последнее время опубликован ряд работ по этим проблемам [¹, ¹¹, ¹⁶]. В дискуссионном разделе журнала хотелось бы продолжить их обсуждение.

При обсуждении упомянутых выше работ представляется целесообразным за основу взять статью в «Докладах Академии наук», как наиболее доступную для читателей и написанную наибольшим количеством (13 чел.) авторов [¹]. Кроме того, это официальная и общедоступная публикация, которая может рассматриваться как отражающая современные представления широкого круга исследователей, включающего представителей не только разных организаций России, но и других государств (см. [¹]). Кроме того, мы не можем обойти вниманием и изданную в 2009 г. более обширную статью [¹⁶], в которой имеются, в частности, дополнительные рисунки с цифровыми добавлениями.

По нашему мнению, основным дискуссионным положением рассматриваемых статей является трактовка времени и процесса возникновения р. Нева. Так, в работе [¹] отмечается, что в разрезе 5-метровой террасы на левом берегу